

Миннуллина Фатыма Халиулловна

ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПЬЕСЕ Ю. САФИУЛЛИНА "ИДЕГЕЙ"

Статья посвящена изучению поэтики трагического в пьесе Ю. Сафиуллина "Идегей". В трагедии проблема противостояния героев трагическим обстоятельствам в безвыходной ситуации является основополагающей. Задачей статьи является анализ трактовок исторических личностей Золотой Орды в творчестве татарских драматургов. Используя теорию трагического, удалось выявить существенные различия в освещении образов Идегея и Токтамыша у разных авторов (Н. Исанбет, Ю. Сафиуллин). Сопоставляя дастан и трагедии, мы выяснили, что художественные приемы воссоздания трагического противостояния повлияли на сюжетное разнообразие пьес.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-21

Статья посвящена изучению поэтики трагического в пьесе Ю. Сафиуллина «Идегей». В трагедии проблема противостояния героев трагическим обстоятельствам в безвыходной ситуации является основополагающей. Задачей статьи является анализ трактовок исторических личностей Золотой Орды в творчестве татарских драматургов. Используя теорию трагического, удалось выявить существенные различия в освещении образов Идегея и Токтамыша у разных авторов (Н. Исанбет, Ю. Сафиуллин). Сопоставляя дастан и трагедии, мы выяснили, что художественные приемы воссоздания трагического противостояния повлияли на сюжетное разнообразие пьес.

Ключевые слова и фразы: трагическое; пьеса; конфликт; трагедия; герой; свобода личности; трагизм; эпос; дастан; Ю. Сафиуллин; противостояние; драма; Идегей.

Миннуллина Фатыма Халиulloвна, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

minnullina77@mail.ru

ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПЬЕСЕ Ю. САФИУЛЛИНА «ИДЕГЕЙ»

Одним из важнейших компонентов литературы является народное творчество. Любое произведение народного творчества в своем сюжете, в главных героях отражает исторические события, социально-политическое мировоззрение, трагические моменты из жизни народа различных эпох. Например, дастан «Идегей» представляет важную часть духовного наследия татарского народа, где воссоздаются образы национального прошлого. «Это была эпоха исторических потрясений, политических интриг, происходивших в конце XIV и начале XV в.» [3, с. 216]. История Золотой Орды многие годы была запретной темой для науки и литературы. Начавшиеся в конце 1980-х гг. XX века процессы преобразования повлияли не только на культурную ситуацию в обществе, но и на литературу. Начали меняться идеологические взгляды, что дало возможность верно освещать, оценивать историю татарского народа. В конце XX века татарская литература активно начинает обращаться к исторической тематике и к историческим личностям. Острый трагический конфликт, исторические судьбы народов находят художественное воплощение в ряде пьес татарских драматургов. Например, опираясь на исторические источники, на народный эпос «Идегей» и взяв за основу пьесу «Идегей», написанную Н. Исанбетом, Ю. Сафиуллин в 1994 году пишет трагедию «Идегей» и стремится объяснить причины, приведшие к распаду Золотой Орды, на примере конкретных человеческих судеб. Доминирующими факторами, сыгравшими решающую роль в судьбе Золотой Орды, являются личные амбиции, противоборство отдельных исторических личностей – Идегея, Токтамыша, Хромого Тимура (Аксак Тимур). Действия этих лидеров определяют исход противоборства, судьбу народа и государства. Исследуя дастан «Идегей», ученый М. Бакиров пишет: «...если идти по пути обвинений, то можно предъявить немало претензий к обоим историческим личностям. На самом деле Токтамыш, чтобы стать правителем и отомстить за отца, неоднократно приходит в Золотую Орду с войсками Аксак-Тимура и захватывает власть, как и Идегей...» [1, с. 212]. В трагедии Ю. Сафиуллина деяния героев воспринимаются как стремление претворить в жизнь собственные цели.

В эпосе и в трагедии Н. Исанбета Токтамыш хан изображается отрицательным героем. В дастане это проявляется в эпизодах, где Токтамыш предал мечу весь род Идегея. В отличие от эпоса, Ю. Сафиуллин не ввел эту сюжетную линию в качестве самостоятельной, об этих событиях читатель узнает из разговора рабов Тангысына и Ангысына [7, с. 86]. *Таңгысын. «Туктамыш хан 18 яшендә үк залым булган. Котлыкыя бине бәтен нәселе белән тураган»* [8, 1996, № 12, б. 54]. / *Тангысын. «Токтамыш хан с 18 лет был жестоким. Весь род Кутлукыи истребил. Не пожалев даже грудного младенца»* (подстрочный перевод Ф. Миннуллиной). Однако Джантимер, спасая сына Кутлукыи, в колыбельку успел положить своего младшего сына Кобагыла вместо Идегея. Таким образом, начало трагического противостояния было положено именно убийством грудного ребенка. В отличие от народного эпоса, в пьесе Ю. Сафиуллина хан Золотой Орды Токтамыш представлен и как человек, который в тяжелое время старается принять правильные решения: пытается быть справедливым по отношению к Идегею, призывает одинаково относиться к религиям. Но дворцовые интриги, которые плетутся против Кобагыла (Идегея) хитрым и коварным Джанбаем, делают свое дело. Хан начинает чувствовать в Идегее соперника, боится потери трона. Когда Токтамыш отстраняет Идегея от обязанностей военачальника, борьба между ними обостряется, принимает характер открытого противостояния сильных личностей. Особое место в этом конфликте занимает жена Токтамыша Джанике, обвиняющая Токтамыша в доверии и подчинении Идегею. Нужно отметить и тот факт, что в 1995 году Р. Хамид в соавторстве с Р. Мингалимовым также написал одноименную драму для кинофильма. По мнению Г. И. Каюмовой, у Р. Хамида образ Идегея раскрывается как борца за свободу своего народа. В отличие от дастана и драмы Р. Хамида, Ю. Сафиуллин дополняет трагедию любовным сюжетом, где описывается любовь дочери Токтамыша Канеке к Идегею [5]. В трагедии Ю. Сафиуллина переход Идегея к Тамерлану расценивается как «трагическая ошибка». В этом плане успешным было обращение писателя к речам Субры.

«Исэн-имин китсэ ул...
Сарайны харап итэчэк» [8, 1997, № 1, б. 78]. /
Если живым уйдет он...
Дворец разрушит он (подстрочный перевод Ф. Миннуллиной).

Предсказывая будущее, Субра открывает невидимые простому человеку стороны событий, тайны других героев, в результате которых возникает трагическая ситуация. В этом эпизоде трагическая тайна и узнавания входят в ряд обстоятельств, образующих трагический конфликт. В отличие от всех остальных событий, в трагической тайне и узнавании заострено начало интриги. Субра предсказывает, что именно Идегей приведет к разрушению Золотой Орды. События, рассказанные предсказателем, в дальнейшем становятся источником трагического развития. После песни Субры начинается жестокая схватка между Идегеем и Токтамышем. Здесь трагическое предсказание предстает как прошлое, настоящее и будущее героя. Конфликтующие характеры не могут прийти к примирению. Бегство к Аксак Тимуру остается единственным спасением для Идегея. В дастане и в трагедии Ю. Сафиуллина раскрываются и боевые столкновения шаха Тимура, Идегея и Токтамыша. Во время столкновения войско Токтамыша было разгромлено наголову. Как отмечает фольклорист Ф. Урманче, дастан полностью отвергает все эти события реальной истории. То есть в дастане изображается полное поражение Тимура и победа Идегея. Показ поражения Тимура от Токтамыш хана потребовался для того, чтобы подчеркнуть мощь и величие Идегея [9, с. 102]. В пьесе Ю. Сафиуллина Идегей предстает противоречивым героем. Но Ю. Сафиуллин, придерживаясь требования жанра дастана, на первый план выдвинул положительные черты Идегея. Он мудрый, любит свою страну и сына Норадына. Герой встает на защиту народа Булгара, который был не в состоянии заплатить налог, за кражу государственного имущества сажает в тюрьму родственника Токтамыша Телке Тимура. Но в то же время Идегей не идеальный герой. Например, когда, предаваясь чувству мести, Идегей выбирает сторону Хромого Тимура, он сомневается в правильности своего решения, приводит врага в собственную страну. Анализируя эпос «Идегей», Ф. Урманче утверждает, что «гибель Золотой Орды и Волжской Булгарии никак не связаны с жизнью, с деяниями, с экономической и политической линией Идегея... Идегей не может быть оценен как виновник распада Золотой Орды, что при нем страна последний раз поднимается на очень высокий уровень развития и продолжает играть если не решающую, то очень важную роль во всей международной обстановке Восточной Европы конца XIV – начала XV века» [Там же, с. 153-154]. Благодаря таким высоким нравственным принципам и качествам, как служение родине, справедливость, Идегей достигает уровня трагического героя. Как говорится в дастане, трагическое в судьбе этого мощного государства случилось не при жизни Идегея, а после смерти этой легендарной личности.

*«Идел-йортны дау алды,
Яу өстенэ яу килде,
Идегэй айткэн көн килде...
Алтын Урда таралды»* [4, б. 240]. /
*Смута настала в Идиль-стране.
Гибли в междоусобной войне
Множество отцов и детей,
Как предсказал муж Идегея* (подстрочный перевод А. Нарбекова, А. Гаязова).

За трагической судьбой Идегея стоит трагическая судьба народа и государства. Анализируя дастан «Идегей», М. Бакиров пишет: «...если эпический Идегей, с одной стороны, – это идеализированный героический образ, то, с другой стороны, он оказывается драматический, трагический герой» [1, с. 211]. По мнению И. Закировой, «в основе сюжета дастана “Идегей” лежит идея борьбы за трон» [3, с. 242]. Эти противоположные взгляды основаны на реальных фактах. Действительно, с одной стороны, Идегей является положительным, прославленным героем дастана «Идегей», но, с другой стороны, некоторые ученые и историки, основываясь на отдельных действиях Идегея, обвиняют его в том, что он является одним из разрушителей Золотой Орды. Идегей – это трагический герой, которому присущи целеустремленность и активность. Чувство правоты своего выбора не оставляет Идегея до последнего мгновения жизни. Его поступки оказывают влияние на его собственную судьбу и на судьбу окружающих, государства.

В трагедии Ю. Сафиуллина переживают трагедию сын Идегея Норадын, дочери Токтамыша – Ханеке и Конеке. Эти герои допускают трагическую ошибку, которая приводит их к гибели. Ханеке обманывает Норадына, сказав ему, что она ждет ребенка от Идегея, и тем самым ей удается поссорить отца с сыном. В дастане и в пьесе Ю. Сафиуллина Норадын раскрывается как жесткий человек. В отличие от отца, он стремится к трону. Герой не согласен с тем, что трон по традиции принадлежит только наследникам Чингисхана.

Таким образом, в пьесе и дастане есть несколько признаков трагического: 1) раскрывается гибель героев; 2) определяются неразрешимые противоречия; 3) трагическая участь; 4) трагическая тайна и узнавание; 5) трагическое предсказание. Раскрывая страницы прошлого, драматург перебрасывает мост между прошлым и настоящим. Осмысление прошедшего в сопоставлении с настоящим – это главное, что определяет позицию Ю. Сафиуллина как драматурга.

Список источников

1. Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 268 с.
2. Боров Ю. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. 511 с.
3. Закирова И. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2011. 400 с.
4. Идегэй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 253 б.
5. Каюмова Г. И. Концепция личности в драматургии Ризвана Хамида и ее художественное воплощение [Электронный ресурс]. URL: <http://diss.seluk.ru/av-filologiya/3750-1-koncepciya-lichnosti-dramaturgii-rizvana-hamida-ee-hudozhestvennoe-voproschenie.php> (дата обращения: 23.06.2017).
6. Минуллина Ф. Х. Драматургия Юнуса Сафиуллина: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004. 26 с.
7. Саттарова А. М. Современная татарская драматургия (1985-2000 гг.): концепция эпохи и героя. Казань: Гуманитария, 2003. 150 с.
8. Сафиуллин Ю. Идегэй // Мирас. 1996. № 12. Б. 51-69; 1997. № 1. Б. 63-79.
9. Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань: ФЭН, 1999. 199 с.

TRAGIC CONFRONTATION IN YU. SAFIULLIN'S PLAY "EDIGU"

Minnullina Fatyma Khaliullova, Ph. D. in Philology

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
minnullina77@mail.ru

The article is devoted to studying the poetics of the tragic in Yu. Safiullin's play "Edigu". In the tragedy the problem of the characters' confrontation with tragic circumstances in a desperate situation is fundamental. The task of the article is to analyze the interpretations of historical personalities of the Golden Horde in the Tatar playwrights' creativity. Using the theory of the tragic, the author manages to reveal significant differences in highlighting the images of Edigu and Toktamys in different authors' works (N. Isanbet, Yu. Safiullin). Comparing dastan and tragedy, the author of the article also finds out that the artistic techniques of the reconstruction of the tragic confrontation influenced the plot variety of the plays.

Key words and phrases: tragic; play; conflict; tragedy; character; freedom of personality; tragic element; epic; dastan; Yu. Safiullin; confrontation; drama; Edigu.

УДК 801.73

В статье анализируется стратегия художественного преобразования мифологического материала в мифопоэтические элементы авторского текста в романе В. Пелевина. В частности, исследуется специфика воплощения мотива оборотничества. Установлено, что в романе «Священная книга оборотня» переосмысление мифа с помощью постмодернистских приемов приводит к игровым смысловым контаминациям, новому пониманию архетипических образов и мотивов. Пелевин обыгрывает мотивы и образы китайской (мотив оборотничества, образы лис-оборотней), северогерманской мифологии (образы пса Гарма и волка Фенрира) и создает собственный авторский неомиф.

Ключевые слова и фразы: В. Пелевин; роман; миф; мифопоэтика; мотив; оборотничество; прием.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор

Сипрова Анна Андреевна

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
ostmukhina@inbox.ru; siprova@yandex.ruМИФОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА
«СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

Общеизвестно, что мифологизм в литературе рубежа XX-XXI вв. – совершенно особое явление, представляющее собой и художественное средство, и определённое мироощущение, становясь одним из ключевых способов восприятия реальности тем или иным художником. В связи с этим создаются многочисленные мифы «нового времени», по справедливому замечанию Д. Е. Максимова, пропущенные «через индивидуальное сознание с его рефлексией и авторским свободным отношением к изображаемому» [2, с. 203]. Таким образом, создается «неомифологизм» [3, с. 76], многочисленные авторские неомифы, которые отнюдь не нацелены на воссоздание мифологического мышления, но стремятся выявить внутренние структуры и механизмы современного социокультурного сознания.

Оговоримся, что изучение мифа как одной из универсальных категорий человеческого бытия, принципиальной составляющей человеческого мышления – и, одновременно, как одной из определяющих бытийные нормы существования личности в социуме имеет в науке (не только в литературоведении, но и в философии и культурологии) достаточно длительную историю [12, с. 473-481]. При этом художественная словесность